

Сяо Чжигэ мельком бросил на него взгляд — ему и задумываться не требовалось, чтобы понять, какие мысли крутятся у того в голове. Впрочем, настроение у него сегодня было отличное, поэтому и к подчинённым он относился с куда большей снисходительностью. Взглянув на него с жалостью, он великодушно смиростивился и ответил на его вопрос:

— Радостное событие и впрямь произошло, да только ты ещё не женат — всё равно не поймёшь.

Ци Вэй: «???»

Замгенерала Ци был категорически не согласен. Это с каких пор радостные вести делятся на «для женатых» и «для холостых»? Ну не женат он, и что с того? Не заслужил разделить радость со своим генералом?

Он уже собирался возразить генералу, как вдруг стоявший рядом Се Лин ощутимо съездил ему локтём под дых. Ци Вэй осёкся на полуслове, от боли у него сморщилось лицо, и он свирепо уставился на Се Лина.

Тот лишь беззвучно шевельнул губами:

— Заткнись и молчи.

— ...

Замгенерала Ци обиженно прикусил язык. Ему казалось, что в этом Яньчжоу любой может его обидеть и никто вовсе не принимает его всерьёз!

Мысленно припомнив Се Лину ещё один должок, он не стал продолжать расспросы и перевёл тему:

— А почему сегодня не видно ванфэй?

Этот вопрос пришёлся Бэйчжань-вану как нельзя кстати. С одной стороны, ему хотелось, чтобы подчинённые узнали о радости прошедшей ночи, с другой — это касалось только их с Но-но спальни, и разглашать подробности казалось неуместным.

Поэтому, выслушав вопрос Ци Вэя, он с весьма сдержанным видом ответил:

— Вчера он поздно лёг, утомился, так что всё ещё отдыхает в покоях.

Ци Вэй, нецелованный холостяк, разве мог подумать в *ту* сторону? Он решил, что речь идёт о долгом пути из Лянчжоу и усталости от скачки, а потому сочувственно кивнул:

— Путь из Лянчжоу неблизкий, мчаться во весь опор действительно утомительно.

Сяо Чжигэ: «.....»

Лицо князя потемнело от досады. Он хотел было добавить пару слов, как вдруг заметил Ань Чанцина, идущего в их сторону.

Ань Чанцин сегодня проснулся поздно. Пробудившись, он почувствовал, что в комнате всё ещё витает запах вчерашней ночи, и от одной этой мысли щёки его вспыхивали. Он решил выйти во двор подышать свежим воздухом, пока спальня проветривается.

Он не ожидал застать во дворе Сяо Чжигэ вместе с Ци Вэем и остальными. На мгновение замаявшись, Ань Чанцин встретился взглядом с Сяо Чжигэ и, поняв, что важного разговора они не ведут, продолжил путь.

Поскольку он находился дома, то надел лишь лёгкую повседневную одежду, а волосы не стал собирать в причёску, а лишь небрежно перевязал шёлковой лентой за спиной. Это делало его ещё более привлекательным — точно сочный весенний росток.

Сяо Чжигэ поспешно шагнул ему навстречу. Ци Вэй, наблюдая за этим сзади, тихо шепнул на ухо Се Лину:

— Мне кажется, или после поездки в Лянчжоу ванфэй стал ещё краше?

Посмотри на эту белоснежную кожу — прямо как нефрит с оттенком бараньего жира. Он с тоской смотрел, как они разговаривают, всё больше завидуя удаче генерала.

Ему тоже так хотелось жениться!

С другой стороны, Сяо Чжигэ с обеспокоенным видом хмурился, разглядывая Ань Чанцина:

— Зачем ты вышел? Тебе не немогается?

— В комнате было душно, я вышел подышать воздухом. Всё со мной хорошо, — качнул головой Ань Чанцин.

Вчера вечером Сяо Чжигэ был очень нежен. Хотя поначалу Ань Чанцину было немного непривычно, со временем он вошёл во вкус. К тому же он сам изо дня в день ухаживал за собой и упражнялся по рецепту, так что они прекрасно ладили и никто не пострадал. Отдохнув ночь, он чувствовал лишь лёгкую тянущую ломоту и непривычность, но в целом чувствовал себя нормально.

Сяо Чжигэ же не знал, о чём тот думает. Увидев, как он качает головой, князь почувствовал себя смущённо и неловко.

Ещё в Ецзине в народе ходило немало любовных романчиков о нём и Ань Чанцине. Из любопытства он полистал парочку. Но в этих книжонках писали совсем не так...

Говорят, от по-настоящему сильного мужчины партнёр три дня не может встать с постели.

А сейчас Ань Чанцин выглядел так, будто ничего и не произошло. Бэйчжань-вану стало досадно на душе, а выражение его лица сделалось весьма странным. Он бросал на Ань Чанцина взгляды, не решаясь заговорить.

Ань Чанцин заметил его взгляд и вопросительно посмотрел на него:

— Что такое?

Не найдётся мужчины, которому было бы всё равно до подобных вещей. Сяо Чжигэ терзался и так и эдак, затем скосил глаз на Ци Вэя и остальных — те стояли далеко и не могли услышать — и, склонившись к самому уху Ань Чанцина, шепнул:

— Вчера вечером... я что, не смог тебя удовлетворить?

«.....»

Ань Чанцин ни за что бы не подумал, что при посторонних Сяо Чжигэ посмеет ляпнуть такую глупость. Лицо его мгновенно вспыхнуло до самых ушей, и он гневно уставился на князя. Не будь здесь свидетелей, он с досады обязательно огрел бы его пинком.

— Среди бела дня! Что за бесстыдство вы говорите, князь!

С этими словами он ещё раз сердито полоснул его взглядом и ушёл прочь, сгорая от возмущения.

Сяо Чжигэ остался стоять в полном недоумении. Он так и не понял, остался ли тот доволен или нет, но Ань Чанцин явно разозлился, а догонять его с расспросами было неудобно. Скрывая неловкость, князь покашлял, заложил руки за спину и вернулся в беседку посреди двора.

Ци Вэй и остальные с удовольствием понаблюдали за конфузом своего генерала, переглянулись и про себя только поцокали языками. Лишь перед ванфэй генерал проявлял такую кротость! Посмей кто другой показать ему характер, генерал бы на него и взглянуть не соизволил.

Сяо Чжигэ опустил на скамью в беседке. Улыбка с его лица исчезла. Окинув обоих тяжёлым взглядом, он с мрачным видом произнёс:

— Говорите, зачем искали меня?

Хотя Ци Вэй порой и сплеховал бы с сообразительностью, в критические моменты умел читать по лицам. Увидев, что генерал больше не улыбается, он не дерзнул дёргать тигра за усы и честно доложил:

— Из Храма Тайфу пришёл официальный указ о введении дополнительного налога «Фулу». На эти средства велено возвести девяносто девять пагод для молитв о благоденствии Да Е. Кроме того, с каждого штата требуют набрать по пять тысяч рекрутов на повинность.

Получив этот указ, Ци Вэй и остальные пришли в негодование, однако ничего не могли поделать. К тому же Сяо Чжигэ находился за пределами Яньчжоу, так что им оставалось лишь терпеливо ждать его возвращения для обсуждения.

Ци Вэй обладал прямым характером, поэтому в его тоне невольно проскользнула обида:

— Сначала лютая зима, затем война... Народ ещё не успел прийти в себя и вздохнуть свободно, как снова повышают налоги и созывают на повинности! Его Величество поистине... поистине...

Впрочем, благоразумие взяло верх, и он не произнёс вслух лишнего.

— К тому же прямо сейчас мы просто не сможем собрать столько налогов, — вмешался Се Лин. Он был куда рассудительнее и, ведая городскими делами, лучше разбирался в обстановке. — Минувшей суровой зимой у людей почти не осталось запасов зерна, в некоторых домах съели даже семенную пшеницу. К тому же весна задерживается, время посева упущено, так что угодя в этом году неизбежно дадут скудный урожай. Если наложить новые поборы, простым людям попросту не выжить.

В Да Е налогообложение всегда устраивалось так: местные власти собирали поборы, а затем отправляли средства в казну. Ныне казна опустела, и император Аньцин вознамерился содрать новые налоги — указ-то вышел, да только вся тяжесть легла на провинции и простолюдинов.

Если местное управление не в состоянии сдать нужное количество денег и зерна, чиновники начинают слой за слоем обирать и угнетать подданных. Разве это налоги? Это самое настоящее пиршество на плоти и крови народа!

Яньчжоу благодаря своевременным распоряжениям Сяо Чжигэ встретил снежную стихию хоть с какой-то подготовкой. К тому же позже Ань Чанцин прислал провизию, так что выжить удалось. Однако доходило слухи, что в северных землях — Сучжоу, Бинчжоу, Цичжоу — пострадали многие: застигнутые врасплох люди массово замерзали насмерть. Едва дождавшись весны, народ не успел оправиться от снежного бедствия, как столкнулся с ещё более жестокими поборами и повинностями.

Император Аньцин мало того что не издал указов о помощи и спасении пострадавших, так в такой переломный момент ещё и взвинтил налоги. Это было не просто пренебрежением человеческими жизнями — людей безжалостно загнали в угол.

Сяо Чжигэ уже слышал об этом от Ань Чанцина, но, услышав подтверждение, всё равно ощутил содрогание от этой нелепости.

В прежние годы император Аньцин не доходил до такого сумасбродства. Хотя он и любил предаваться потехам, но ведал меру и оглядку. Однако с тех пор как во дворец привели нескольких «бессмертных наставников» и государь увлёкся поисками пути к бессмертию, его поступки становились всё более безудержными.

Должно быть, он уверовал, что рано или поздно вознесётся в сонм бессмертных, а потому перестал принимать близко к сердцу заботы бренного мира.

Сяо Чжигэ опустил глаза и на мгновение задумался, после чего холодно произнёс:

— Пока тяните время. Если Храм Тайфу пришлёт кого-то с торопливыми требованиями... просто притворяйтесь нищими. А если станут давить — требуйте у них задолженное продовольствие.

Ранее присвоенный чиновниками фураж Храм Тайфу успел вернуть лишь наполовину.

Ци Вэй тут же просиял и похлопал себя по груди:

— Отправьте меня, это по моей части! Поплакаться я сумею!

Се Лин был более предусмотрителен:

— Но вечно тянуть с налогом не получится...

Рано или поздно платить придётся.

Сяо Чжигэ не стал вдаваться в подробности и лишь коротко сказал:

— Неважно. Пока затягивайте.

Определившись с решением, оба удалились. Сяо Чжигэ немного постоял в беседе, а затем вернулся в главные покои.

В комнате Ань Чанцин уже умылся, переоделся и собрал длинные волосы. Заметив мрачное выражение на лице князя и помня о раннем визите Ци Вэя и Се Лина, он догадался, что стряслось нечто недоброе, и с тревогой взглянул на него.

Сяо Чжигэ опустился подле него, вздохнул и произнёс:

— Сон, который тебе снился, Но-но, и вправду сбывается.

<http://bllate.org/book/18381/1767780>